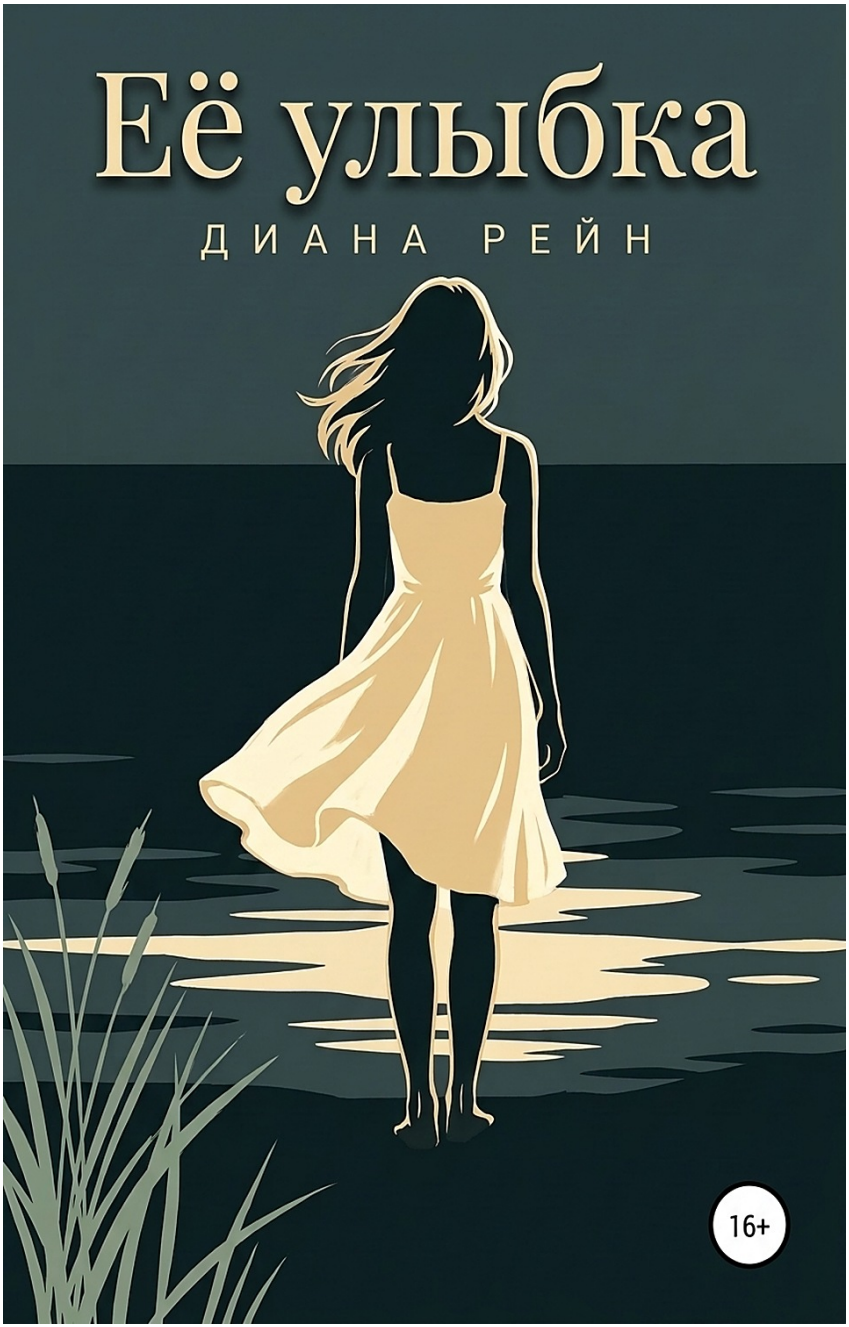
Её улыбка

ДИАНА РЕЙН



16+

Её улыбка

Диана Рейн

Её улыбка

Диана Рейн (Diana Reyn)

Оригинальное издание на русском языке.

© 2023 Диана Рейн. Все права защищены.

Содержание

Её улыбка 1

Бумажная любовь 4

Её улыбка

— Ты не видел мой мобильник?

— Прости, нет.

— Ах да, точно.

Она смеется, шутливо треплет меня по волосам и хватает свой телефон, который лежал передо мной на столе. Убегает, на ходу крича, чтобы я не отставал. Но мне все равно не догнать ее — она всегда впереди меня на несколько шагов. И она это знает.

— Захвати мою сумку! Она там, осталась на кресле.

Ее голос раздается где-то далеко, а затем хлопает входная дверь. Вечно она забывает свои вещи, оставляя их по всему моему дому. Может, она думает, это мое излюбленное занятие — собирать их за ней?

Сумку я нахожу быстро, но не учел, что она (как обычно, впрочем) оказалась расстегнута. Все вещи вываливаются мне на ноги, а среди них бутылка с водой, толстый блокнот и что-то еще тяжелое. Я собираю это все обратно, еще долго шарю руками под креслом — на случай, если что-нибудь закатилось туда, и наконец тоже могу идти. На улице уже вовсю сигналит машина.

— Скорее, копуша!

Нагрянуть среди бела дня, разбросать свои вещи по моему дому, без спроса потащить куда-то на природу и при всем этом еще и обвинять меня? Это все Кэри.

Она нетерпеливо выхватывает у меня сумку, одним тычком заталкивает в машину, и не успеваю я пристегнуться, как мы срываемся с места. В такой спешке я даже не могу вспомнить, выключил ли чайник, закрыл ли дом и переодел ли футболку от пижамы. Как бы то ни было — уже поздно, мы несемся по дороге, и сильные порывы ветра треплют меня по лицу.

По пути у Кэри звонит телефон, и она долго болтает, громко смеясь и отпуская двусмысленные шутки. Наверное, это Хэл — ее новый приятель, с которым она познакомилась на какой-то вечеринке. Я с ним никогда не встречался, да и не хотелось бы, но мне кажется, что он подходит взбалмошной Кэри. В таком случае это с ним она сейчас должна была ехать в машине, а не со мной. Но ее поступки никогда не поддавались логике, и потому я просто радуюсь, что она взяла меня с собой. Мне не так уж часто удается куда-то выбраться.

Кэри резко останавливает машину, и я едва не вылетаю через лобовое стекло. Кругом свежий ветер, куча насекомых и душные запахи травы и цветов. Кэри чем-то грохочет, тряся своей сумкой, и я с ужасом понимаю, что все же оставил что-то из ее вещей дома. И это непременно что-то важное.

Но тут весь шум стихает, Кэри без предупреждения хватает меня за руку и тащит вперед.

— Смотри-смотри, обалденное местечко! Там внизу озеро, про которое я тебе рассказывала, а с этого места отлично видно диких уток! Их семеро — мама-утка и шесть детишек. Это тебе не толстые, ленивые проглоты из парка. Настоящая дичайшая природа!

Она хохочет и отплевывается от своих же волос, которые развевает ветер, и они прилипают к ее губам. У меня тоже пряди бьют по щекам и очкам, но я их не убираю. Смотрю вниз, на диких уток, и улыбаюсь.

— Тебе нравится? — спрашивает Кэри. — Мне тоже очень нравится. Ой, скорее смотри, как тот утенок...

Она не договаривает, и я не узнаю, что там вытворяет птенец. Странно. Обычно Кэри не обрывает предложения и думает над тем, что она ляпнула, уже после.

Но она затихает, и я вдруг чувствую, как она берет меня под локоть и прижимается боком. Мне неловко и даже немного страшно. Я стою неподвижно, чувствуя сладкий аромат ее духов, запах мятной жвачки, и слышу, как колотятся два сердца.

— Скажи, что я не зря притащила тебя сюда, — говорит Кэри, и я улавливаю тень вины в ее голосе.

Вины? Такого еще не было. Я в принципе не подозревал, что Кэри способна испытывать стыд или раскаяние.

— Конечно, не зря, — неловко отвечаю я. — Сам бы я никогда не нашел это озеро. Я даже отсюда слышу, как плещется утиное семейство.

Кэри сразу успокаивается и принимается болтать дальше. Она не отпускает и не отходит от меня, хотя сквозь ее болтовню я слышу, как снова начинает звонить телефон, оставленный в машине. Что ж, на этот раз Хэл останется без ответа.

Я слышу, как Кэри взмахивает руками, указывая на что-то, и смеется. Она то и дело теребит меня и комментирует действия утят, хотя ей прекрасно известно, что я все равно ничего не вижу.

И хотя я никогда не видел ее улыбку и саму Кэри, я знаю, что она самая замечательная девушка на свете.

Бумажная любовь

Ты все еще хранишь письма, которые я тебе прислала? С рядами мелких буковок, тонких, как будто следы от лапок крапивника. Я вымачивала бумагу в кофе, чтобы она стала красивого цвета и приятно пахла. Собиралась еще надушить своим парфюмом, но это было бы чересчур вульгарно. Все-таки мы уже живем не в девятнадцатом веке, премного благодарна! Не знаю, что бы делала без телефона и пластинок.

Я писала тебе в библиотеке, соорудив неприступную крепость из романов Бронте, Шекспира, Остин и Бёрнетт. Эти старые книги приготовили, чтобы отправить на переработку, но они послужили мне в последний раз — спрятали меня от чужих глаз.

Да, я знаю, как ты расстраиваешься, когда узнаешь, что со мной заговаривают юноши. Ты начинаешь делать ошибки в письме, путать местами слова, говорить невпопад и сразу становишься таким потерянным и таким грустным, что у меня больно сжимается сердце.

Ты не веришь, что можешь быть лучше незнакомцев из библиотеки, или из трамвая, или с рынка. Я столько раз тебе говорила, как боюсь незнакомых парней и не люблю, когда они со мной разговаривают, но ты все равно расстраиваешься каждый раз.

Не надо. Пожалуйста, не надо.

Ты все еще хранишь мои фотокарточки?

Я не очень хорошо получаюсь на снимках и поэтому часто прячу лицо за книгами, шарфиками или цветами. Да, я знаю, ты говорил, чтобы я не стеснялась себя, что я очень мила и у меня прелестная улыбка. Я постараюсь быть смелее, и у тебя будет больше фотокарточек с моим лицом.

Я храню все-все твои фотографии. Тебя, твоих собак, даже простых улиц, по которым ты ходишь. Ты отправляешь мне столько фотокарточек, что впору заводить для них отдельный альбом! Я храню их между страниц любимых книг, в дневнике и бюро. Так я часто вижу твое лицо, встречаю тебя то тут, то там. Приятно встречать тебя хотя бы так, хотя бы издали.

Ты не забыл мой голос? Мне так жаль, что я не могу записать наши редкие разговоры по телефону на пластинки, чтобы потом проигрывать их перед сном, как личные колыбельные. Вместо этого я про себя проговариваю то, что ты сказал мне в последний раз, или ставлю пластинку Фрэнка Синатры, которую ты мне прислал, и в сотый раз шепчу: «In other words, please be true, in other words, I love you...»[8] До чего хочется верить, что в этом есть послание от тебя самого.

Мне жаль, что засушенные цветы рано или поздно рассыпаются в прах, а чернила выцветают. Уголки писем и почтовых карточек мнутся, на бумаге вдруг появляются заломы. Это так грустно — видеть, как память о тебе, как твои слова, частичка тебя самого разрушается и стареет. Ведь твои письма, открытки и посылки — это все, что у меня есть. Все, что может доказать то, что ты существуешь.

Тебя не смущает подружка, которую можно только прочитать и порой услышать, но никак не коснуться и не позвать в гости?

Удивительно, как все отношения могут поместиться в одной коробке. Как весь человек может поместиться в одной коробке.

Я храню твои письма, фотографии и подарки в коробке из-под фарфоровой куклы. Еще осталось свободное место, но совсем немного. Скоро мне понадобится новая. Мне интересно, сколько коробок накопится у меня к концу жизни? Мне не жаль отдать и всю комнату для этого, но только... Будет ли что-то больше коробки?

Мне было бы очень грустно заканчивать свое существование в чьей-то жизни под кроватью или в шкафу, среди желтой бумаги, бледных фотокарточек и пыльных пластинок. Выцветшей, помятой, забытой.

Это удивительно, как сильно можно скучать по человеку, которого никогда не видел вживую, как вообще можно думать о ком-то как о живом человеке, если все, что у тебя есть, только фотокарточка и разговор по телефону. Фотокарточка и разговор, который давным-давно бесследно растаял в воздухе, исчезнув навсегда. Но нет. Ты существуешь в книгах, которые советовал мне, в кинофильмах, которые смотрел. В музыке, которой подпевал, в названиях цветов, которые рвал. Я не могу положить это в коробку. Я не могу показать это сестрам. Я могу только носить это у себя в сердце, невидимое и неосязаемое.

Ты все еще помнишь меня? Ты все еще хранишь меня в своей коробке?